

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 6 (118)

«Фонд профессора Сиотокова» (ГАКК. Ф. 799): некоторые сведения о его происхождении

В структуре и научно-практической деятельности архивных учреждений немаловажное место занимали и занимают т. н. личные и именные фонды. В последние годы заметно активизировалась работа сотрудников ГУ НАРА по формированию архивных фондов деятелей адыгской науки, культуры и искусства, содержащих документы личного происхождения, другой источниковый материал, представляющий научный и общественный интерес. Настоящее сообщение касается истории уникальной частной коллекции разнообразных по происхождению и видам документальных источников, принадлежавшей некогда нашему соотечественнику, уроженцу Адыгеи. Около полувека назад она могла и должна была, при более «благоприятном» стечении обстоятельств, существенно обогатить главное архивохранилище тогдашней

автономной области многими ценными письменными артефактами по национальной и региональной истории.

Мы имеем в виду один из фондов, хранящийся ныне в Государственном архиве Краснодарского края, полное официальное название которого звучит следующим образом: «Документальные материалы, собранные профессором Сиотоковым к работе: «История борьбы магометанства и христианства за свое влияние на Западном Кавказе» (ГАКК. Ф.799. Оп.1. Д.1 — 17). Семнадцать объёмных единиц хранения, представляющие собой обширный свод исторических источников (официальные документы, печатные, рукописные, картографические и пр.), хронологически охватывающий период истории адыгов и С. З. Кавказа с первой половины XVIII в. по 20-е годы XX в. (1733 — 1929 гг.).

— Известно, что наиболее ранние документальные первоисточники, находящиеся на хранении в республиканском (бывш. областном) архиве, датируются рубежом 60 — 70-х гг. XIX в. и непосредственного отношения к адыгской проблематике не имеют.

В фонде отложились в копиях и подлинниках сотни редких документов, в том числе предписания, приказы, отчеты, рапорты, официальная переписка русского военного командования, чинов кавказской и кубанской военно-казачьей администрации и т. д., позволяющие получить достаточно объективное представление о событиях трагической Кавказской войны и черкесского выселения; особенностях политико-административного, соц.-экономического и хоз.-бытового обустройства оставшегося горского населения в послевоенный период и пореформенное время; о демографической и этноконфессиональной ситуации в крае. Здесь же хранится довольно значительное собрание военно-исторических и административных карт С.-З. Кавказа, Кубанской и Адыгейско-Черкесской областей за различные исторические периоды (Дела 7 и 9). Часть представленных документов дублирует аналогичные источники, находящиеся в других фондах краевого архива. Следует, однако, заметить, что сосредоточение в одном фонде материалов, объединенных общей или близкой тематикой и определенным хронологическим диапазоном, предоставляет несомненные практические удобства и преимущества как исследователям, так и самим сотрудникам учреждения. Не случайно дела из личного фонда «проф. Сиотокова» краевого архива относятся к числу наиболее востребованных...

Каковы же история происхождения и обстоятельства поступления его в Государственный архив Краснодарского края?

По сведениям сотрудников отдела информационно-поисковых систем ГАКК, фонд был передан из Гос. архива Хабаровского края в 1964 г. с указанием, что данный материал имеет отношение к кубанскому региону и не пред-

(к пятидесятилетию поступления коллекции материалов по адыгской истории на хранение в ГАКК)

ставляет интереса для местной науки. На официальный запрос из Краснодара о предоставлении биографических данных о «проф. Сиотокове» последовал соответствующий ответ хабаровских архивистов об отсутствии какой-либо информации на этот счет. Таким образом, крупнейшая в крае архиве личная коллекция в течение нескольких десятилетий оставалась окутанной завесой тайны, равно как и личность ее собирателя и владельца.

Устное сообщение о том, что таинственный «хабаровский профессор» на самом деле являлся местным уроженцем, представителем известной в дореволюционной Адыгее, на Кубани, да и в самом крае — в центре черкесской фамилии, в своё время (сер. 1990-х гг.) было воспринято персоналом отдела с известной долей сомнения и скепсиса. Не смогли их, кажется, в полной мере развеять и ссылки на встречающиеся на страницах кубанских «Адрес-календарей» и др. справочных изданий начала минувшего столетия упоминания о торговом заведении «братьев К. и Д. Сеотоковых в г. Екатеринодаре». Впрочем, в одно из очередных посещений краевого архива сотрудники отдела поделались с автором данной публикации оптимистичной новостью — к биографическим изысканиям, по их просьбе, подключился маститый кубанский краевед и историк В., который, как было сказано, «всё про адыгейцев знает и ими живо интересуется». В. «подтвердил, что фамилия действительно напоминает адыгейскую» и пообещал, располагая доступом в разного рода закрытые учреждения и архивохранилища, всяческое содействие в выяснении истины...

Между тем некоторые данные биографического характера можно было извлечь непосредственно из самого архивного фонда. В нём, к слову, содержатся заметки, библиографические указатели, авто-

графы и другие собственноручные записи, оставленные создателем коллекции — молодым исследователем, аспирантом АНИОН 1928 — 29 гг. Адилем Сиотоковым (ГАКК. Ф.799. Оп.1. Д.14. Л.11(об.),12,24,33). Так, в самом конце 1990-х в аннотации к фонду «проф. Сиотокова» появились первые краткие сведения о его собирателе. В настоящее время мы располагаем несколько более подробной и обстоятельной биографией этой неординарной личности, человека со сложной и драматичной судьбой, о котором на его родине до сих пор почти ничего не было известно. Реконструируется она на основе архивных и печатных источников, а также воспоминаний родственников, прежде всего, его племянницы Тамары Сафарбиевны Чиназировой-Сиотоковой, к сожалению, не так давно ушедшей из жизни. Особую информационную ценность представляет следственное дело А.К. Сиотокова, датированное 1938 — 1940 гг., ксерокопии нескольких страниц которого поступили в ГУ НАРА из Управления ФСБ по Сахалинской области в 2003 г.

Ниже приводятся некоторые факты личной судьбы и профессиональной деятельности А. Сиотокова, которые, как представляется, могут быть небезынтересны научной и широкой читательской общественности Адыгеи.

Родился Адиль Колубатович (Калеубатович, а в официальной документации сов. времени — Колумбатович) 14 апреля 1902г. в селении Адамиевском Майкопского отдела Куб. области. Происходил из довольно влиятельного, но немногочисленного аристократического рода, переселившегося, согласно семейным преданиям, на равнинную Кубань с черноморского побережья. Его дед — Магомет Сеоток в 1836 г. в 12-летнем возрасте с санкции русского командования на Кавказе в числе других горских «почётных аманатов» был

Сиотоков Асланчерий Шупакович.

принят на воспитание в одно из престижных военно-дворянских учебных заведений СПб (ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.382. Л.40,43). По его окончании он поступил в лейб-гвардии Кавказско-Горский полускадрон. Военную службу завершит в чине штабс-ротмистра, после чего вернётся в Гривенно-Черкесский аул, к которому был приписан. В начале 1870-х гг. Магомет Асланчериевич со своей семьёй решает обосноваться в а. Адамиевском, вблизи которого располагались его частновладельческий участок в 369 десятин (ПККО за 1876 год. С.101.) и возникший на нём иногородний хутор (х. Сеотоков упразднён в 1950-х гг.). На рубеже XIX-XX вв., получившие неплохое по тому времени образование и предприимчивые сыновья М. Сеотока Шупак, Довлетчери (Дольчерий) и Колубат (Калеубат), организовали на окраине своего селения успешное хлеботорговое предприятие и кирпичное производство, возвели мельницу в соседнем селе Николо-Абатовском (ныне с. Красногвардейское), открыли собственную торговлю в г. Екатеринодаре. Представители рода Сиотоковых пользовались среди соплеменников репутацией не только удачливых предпринимателей, но и щедрых благотворителей, неравнодушных к социальным и культурно-духовным нуждам своего народа. Последнее особенно относилось к Колубату Магометовичу – воспитаннику Ставропольской гимназии, человеку передовых для своего времени взглядов, построившему в 1912 г. на собственные средства современное просторное кирпичное здание школы-медресе для детей аульчан. Адиль (в пер. с араб. – «справедливый») после окончания Адамиевской школы, вслед за своим отцом и при его содействии, освоив курс гимназических дисциплин, получит классическое образование. Весной рокового для кубанских адыгов 1918 года он находился на учёбе в гимназии. Быть может, именно это обстоятельство и помогло ему тогда избежать печальной участи многих своих земляков и близких родственников, ставших жертвами «красного террора». В известной фольклористам «Песне-плаче адамиевцев» среди казнённых революционными «филипповцами» без суда и следствия односельчан упоминаются его родной дядя Дольчерий и братья Карбеч и Ханджерий. Вскоре, при не до конца выясненных обстоятельствах, уйдёт из жизни и его отец.

Дальнейшую судьбу Адилы Колубатовича отчасти можно проследить по автобиографическим справкам и анкетам из упоминавшегося выше следственного дела. С марта 1920 г. по ноябрь 1922 г., он проживал в родном ауле, занимаясь различной общественной и культурно-просветительской работой. В 1923 году поступил в Адыгейскую областную совпартшколу в г. Краснодаре, откуда был направлен на учёбу в Московский коммунистический университет им.

Сталина. После его окончания в сентябре 1926 г. некоторое время заведовал учебной частью Облсовпартшколы. Отметим здесь, что фамилия Сиотоков не встречается в официальных списках черкесской молодежи, отправляемой в 20-е годы по разнарядкам Облсполкома на учёбу в различные вузы страны. Объясняется это, очевидно, стремлением тогдашнего руководства Адыгоблпо по возможности вывести талантливую и перспективную, но «социально-чуждую», согласно ограничительным идеологическим установкам новой власти, учащуюся и студенческую молодежь из-под «бдительного ока» контролирующих партийных структур. В республиканском архиве, впрочем, сохранилась справка, свидетельствующая об оказании определённой негласной помощи денежным пособием студенту московского вуза Сиотокову (ГУ НАРА. Р.-21. Оп.1. Д.30. Л.101).

С 1927 г. по август 1929 г. Адиль Сиотоков находился в аспирантуре Института экономики Российской Ассоциации Научно-исследовательских институтов общественных наук. Именно в период пребывания в РАНИОН им была создана основательная источниковая база по своей научной теме, которая и составила основу нынешнего архивного фонда. После окончания аспирантуры он приступает к самостоятельной научно-педагогической деятельности. С 1929 г. по 1931 г. преподаёт историко-экономические дисциплины в Ленинградском государственном университете, где ему присваивается звание доцента. Позже переводится в Москву, некоторое время работает по совместительству в целом ряде столичных ВУЗов и НИИ: преподаватель-доцент по истории советского хозяйства в Индустриально-Педагогическом институте им. К. Либкнехта, в институте им. Г. Плеханова и Премакадемии им. Сталина, в НИИ лесной промышленности в качестве зав. экономического сектора.

В конце 1933 г. последовал неожиданный переезд А. Сиотокова в город Александровск, что на острове Сахалин. До 28 февраля 1938 года, т.е. до ареста по клеветническому обвинению «в проведении систематической контрреволюционной агитации, направленной против партии и правительства», он трудился на должностях старшего экономиста-консультанта и зав. сектора научного планирования облплана Сахалинского облисполкома. При аресте А. Сиотокова было изъято большое количество научной и общественно-политической литературы, а также рукописей, что могло свидетельствовать о продолжении им интенсивных занятий наукой и краеведением.

Около двух лет он отбывал тюремное заключение, неоднократно, но тщетно подавая апелляции в правоохранительные органы и вышестоящие судебные инстанции с просьбами об объективном пересмотре своего дела. Тем

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации

УПРАВЛЕНИЕ
ПО САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

05.11.2003г. № 10/1803
г. Южно-Сахалинск

На № 120 от 15 июля 2003 г.
В отношении Сиотокова А.К.

Сообщаем, что в Управлении ФСБ России по Сахалинской области имеется на хранении архивное уголовное дело в отношении СИОТОВОВА Адиль Калумбатовича, 14 апреля 1902 года рождения, уроженца аула Адомиевского Адыгейской автономной области, до ареста проживавшего в г. Александровске-на-Сахалине, работавшего старшим экономистом при Сахалинском облисполкоме, арестованного 28 февраля 1938 года по обвинению в «проведении систематической контр-революционной агитации, направленной против партии и правительства».

Постановлением Тройки УНКВД по ДВК от 14 октября 1938 года Сиотоков А.К. приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе репрессированного в деле нет. Принятые в 1989 году меры розыска родственников результата не дали.

Реабилитирован Сиотоков А.К. 16 мая 1989 года Сахалинской областной прокуратурой.

Направляем Вам ксерокопии материалов архивного уголовного дела в отношении Сиотокова А.К., в которых имеются сведения биографического характера - анкеты арестованного, протокола обыска, выписки из протокола тройки УНКВД, заключения о реабилитации, жалобы заключенного Сиотокова и первого листа приобщенного к уголовному делу паспорта.

Приложение: ксерокопии на 10 листах.

Заместитель начальника Управления

А.Б.Писанок

Сопроводительное письмо к материалам дела Адиль Калумбатовича Сиотокова.

временем к сфабрикованным прежде обвинениям следствие присовокупило новое – «шпионаж в пользу иностранного государства». В 1940 г. А. Сиотоков ссылается на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь Управления горнопромышленных приисков на Колыме, где следы его окончательно теряются.

На свободе оставались его жена и дочь. Впоследствии Инна Адилевна Сиотокова также посвятит себя науке, активной творческой работе в научно-производственной сфере. Она длительное время поддерживала отношения с некоторыми родственниками в Адыгее; последние годы жизни, насколько известно, провела в Москве, в доме N1 на Сиреневом бульваре.

В датированной февралём 1938 года справке о составе семьи из следственного дела, упоминаются другие близкие родственники А. Сиотокова: братья Сафербий и Магомет, административно высланные за пределы Северо-Кавказского края и находившиеся в это время в г. Котельниково Сталинградской области, сёстры Гошсох (Яхутль по мужу) и Цу (Четаова), проживавшие в

Майкопе и Адамии.

Дело в отношении Адилы Колубатовича Сиотокова было пересмотрено, решением Сахалинской областной прокуратуры от 16 мая 1989 года он признан незаконно осуждённым и посмертно реабилитирован. Родным станет об этом известно лишь полтора десятилетия спустя...

В биографии и научно-служебной карьере А.К. Сиотокова, как можно было убедиться, остаются некоторые неясности. Чем, в частности, был обусловлен его внезапный отъезд в Москву, а затем на Дальний Восток? Не был ли он связан, прямо или косвенно, с событиями, происходившими в это время в Адыгее, где органы госбезопасности резко активизировали кампанию по разоблачению, чисткам и арестам участников «буржуазно-националистического подполья», якобы организованного Ю.-С. Негучем и бывшим заведующим Адыгоблпо С.Х. Сиуховым в конце 20-х гг. В вину последнему вменялось, помимо прочего, «засорение» системы народного образования, культурных учреждений и организаций области так называемыми со-

циально и классово-чуждыми элементами, «протаскивание» (пользуясь лексическими штампами официоза того времени) во вверенное ведомство «лиц буржуазно-дворянского происхождения» и т. п. В судьбе молодого А. Сиотокова Сафербий Сиухов принимал самое непосредственное «покровительственное» участие. К тому же, его супруга Химсад, урожд. Сиотокова, доводилась Адиле двоюродной сестрой.

К сожалению, неизвестны сохранность и местонахождение главного научного труда А. Сиотокова. В личном фонде хранятся лишь краткая объяснительная записка к исследованию и его структурный план, состоящий из десяти пунктов (глав) и выводов (ГАКК. Ф.799. Оп.1. Д.17. Л.1-2). Возможно, работа находится в архивах упразднённой в нач. 1930-х гг. РАНИОН и её правопреемников? Не исключено, что она могла быть изъята вместе с другими печатными и рукописными материалами во время ареста А. Сиотокова в 1938 г. Не располагаем мы пока и достоверными сведениями о времени и месте присуждения ему профессорского звания.

Короткая, но творчески насыщенная профессиональная карьера талантливого научного работника и педагога Адиле Сиотокова оказалась «вынужденно» связанной с научно-образовательными центрами и учреждениями Москвы, Ленинграда и Сахалина. Ему, первому из адыгов, в 1929 г. было присвоено учёное звание до-

цента. Драматические общественно-политические коллизии 20 — 30-х гг. минувшего столетия по существу не оставили Адиле Сиотокову какого-либо шанса и возможности, вернувшись на родину в Адыгею, внести свой посильный вклад, свою собственную лепту в формирование и становление национальной куль-

туры и науки, в особенности истории и этнографии. А для этого у него, без сомнения, с лихвой хватило бы и основательной профессиональной подготовки и природной одарённости. Тем не менее, оставленное им научно-творческое наследие в виде внушительной коллекции скрупулёзно собранных и систематизирован-

ных документов, в которых отразился целый пласт истории адыгского народа в её наиболее драматичный и переломный момент, вот уже несколько десятилетий служит серьёзным подспорьем в исследовательской работе историков, этнографов, краеведов Адыгеи и региона. И именно благодаря этому наследию

Адиле Сиотокова, его имя, по нашему твёрдому убеждению, по праву заслуживает занять достойное место в ряду персоналий признанных подвижников и зачинателей адыгovedческой науки.

Азамат БУЗАРОВ.

Николай Каменев.

1867 г.

Бассейн Псекупса

I.

Река Псекупс принадлежит к числу первостепенных рек, орошающих северную покатость Кавказского хребта, в Кубанской области. Она берет начало почти у самого водораздела главного хребта, пробегает пространство более ста верст и самостоятельно впадает в Кубань, приняв в оба свои берега множество притоков, из которых особенно значительны Псиф, Вотепси и Хоарзе.

Долина Псекупса живописна и плодородна. В средней части ее протяжения находятся так мало еще известные Псекупские минеральные воды. Здесь же и штаб-квартира новопоселенного казачьего полка, получившего от реки свое имя. Из пятнадцати станиц этого полка семь поселено в бассейне Псекупса, а по нижнему его течению находится пять бжедугских аулов.

До покорения Западного Кавказа Псекупс составлял границу между двумя сильными народами, абадзехами и шапсугами, и служил центральной рекой для больших международных собраний. Здесь было последнее мехкеме (народное вече) Магмет-Амина.

Цветущая и густонаселенная долина Псекупса величалась у горцев Мессиром, т.е. Египтом, и ни одна из горных долин не хранила столько преданий, восходивших до самой отдаленной древности.

С незапамятных времен берега Псекупса привлекали население, которому суждено было занимать поочередно могилы своих предшественников. Так бжедуги застали по Псекупсу курганы, насыпанные по их рассказам франками; абадзехи наследовали курганы бжедугов, сделанные ими в период христианства. Мы, русские, поселились на могилах абадзехов.

При крайне ограниченной любознательности горцев, сосредоточенной исключительно на потребностях вседневной (так в оригинале, прим. С.Х.) жизни, курганы эти снабдили их лучшими булатными клинками; снабдили золотом, употребленным на щегольскую отделку оружия, и только.

Горец не ломал головы при виде выкопанной из кургана монеты или дорогой вещи, не заглядывал в прошлое и не добивался узнать, по какому случаю франки-европейцы сложили кости свои на отдаленном Кавказе. Вот почему не

имеется о франках никакой легенды у горских племен; сведения о них скрываются в подземном архиве, в курганах, повсюду рассеянных, и тогда только сделаются доступными, когда житейская любознательность отворит двери и представит археологу какую-либо серьезную находку, а антропологу — череп древнего богатыря.

Из более известных находок в курганах по р. Псекупсу замечательны: золотой браслет с горным хрусталем, обточенным в виде ореха, весом в 10 полуимпералов, и золотой, толщиной в гусяное перо, прут, длиной в аршин с четвертью и весом в 8 полуимпералов, на обоих концах которого находились змеиные головки. Редкости эти найдены в 1858 году возле аула Пшегатлукай, на правой стороне Псекупса, в горах земли, обвалившейся в реку с кургана. Браслет приобретен князем Казубек Болотовым и увезен в Турцию; прут же золотой передан прапорщиком Бороком Аслановым генерал-майору Кусаковым.

Затем, в Ключевой станице, при срытии курганов, находившихся на полковом дворе, кроме истлевшего костяка, найдены были две серебряные вещи, изящной работы, похожие на привесные серьги, а в другом отысканы: брусочек с дырочкой, для привешивания к поясу и обух от бритвы, истрепленной ржавчиной. Последняя находка явно указывает, что курган принадлежал предкам нынешних бжедугов, по преданиям которых бритье бород до последнего дня жизни составляло отличительную черту благородного рыцарского происхождения. Что же касается до черепьев глиняной посуды красного и серого цвета, то они всякую минуту могут быть собраны по Псекупсу, между Бакинской и Псекупской станицами; но эти остатки говорят только о весьма нецветущем состоянии горшечного искусства у псекупских франков, которые, по всей вероятности, имели здесь постоянные торговые сношения, потому, что среди этих же черепьев в 1854 году отыскана была горцами толстая золотая монета с выпуклым изображением зверя, которая была в том же году представлена в С.-Петербургскую академию наук войсковым старшиной Гуковым*. Находку этой монеты должно считать пока

самым драгоценным приобретением с реки Псекупса, и если она Воспорская, то позволяет предполагать возле станицы Псекупской существование греческой фактории, для которой местность вполне благоприятна.

[*Войсковой старшина Гуков (умерший подполковником) известен в Екатеринодаре как замечательный любитель и собиратель археологических древностей, немалое количество которых разновременно представлено им в Керченский музей. Прим. редактора Кубанских войсковых ведомостей].

Но кроме горцев, искавших в курганах клинков и золота, последнего искали и наши солдаты, стоявшие продолжительное время бивуаками в соседстве с курганами. Свежая раскопка заметна на них; слухов же о кладах никаких не имеется, да не во всяком кургане и находятся клады — достояние немногих счастливых. Из известных попыток во вновь покоренном крае обогатиться сведениями о далеком минувшем удачнее всех были произведены полковником Е.С. Старосельским, сделавшим в июле минувшего года недельный привал с сотнями вверенного ему полка на землях, принадлежащих тубинским абадзехам. Из курганов, разрытых им, были выкопаны: прямые мечи, крестообразный остаток щита, наконечники стрел и парча, уцелевшая лишь на несколько минут и от прикосновения воздуха превратившаяся в прах. Золотых и серебряных вещей в курганах не отыскано, быть может потому, что земля и уголь, в изобилии в них найденные, не были надлежащим образом просеяны.

Еще замечательна раскопка кургана в укреплении Григорьевском, откуда вынуты были: кусок металлического зеркала и серебряная большая цепь с обточенным, в виде ореха, горным хрусталем. Раскапывались также курганы, находившиеся против ст. Пшехской; но там, в самом огромнейшем из них открыт был «кенотаф» — пустой гроб, сделанный обыкновенно замечательному лицу, погибшему в битве, труп которого достался неприятелю, а в курганах малых найдены были: скелеты, у которых голеная кость имела в длину от 10 до 11 вершков, также огнива, имевшие фигуру буквы В и кремни. Курганы эти не содержали ни

черепьев глиняной посуды, ни слоя угля, следовательно, они современны курганам, разрытым в Ключевой станице, и принадлежат к числу тех, на которые искатели древнего оружия не обращали ни малейшего внимания. И действительно, по преданиям горцев, не все курганы построены франками; большая же их часть насыпана предками в эпоху фетишизма и только меньшая часть во времена позднейшие, абадзехами. Курганы франков отличаются громадностью и часто осеяны тысячелетними дубами, как, например, курган на левом берегу Псекупса, между Ключевой и Фангорийской станицами. Материал для насыпки курганов обыкновенно брался из близлежащих рек; это песок и мелкий голыш, которым усеяны русла горных рек. Такое заключение может показаться смелым, но нельзя его не сделать, сравнивая материал кургана с землей, на которой он находится, и встречая черепья глиняной посуды и уголь в верхних слоях насыпи. Кроме того, находимый иногда вокруг кургана ровик с наружным валом, заставляет считать его скамьей для народа, участвовавшего в отдании последней почести умершему, а разнообразная величина курганов показывает не равные средства, какими располагали родственники умершего, соорудившие надгробный ему памятник.

Курганы в глухих местах разрыты горцами, а стоявшие поблизости населенных мест до наших времен остались неприкосновенными. Уважение к ним допускалось даже мусульманским духовенством, хорошо знавшим, что с именем кавказского франка не связано никаких христианских воспоминаний, об истреблении которых в среде горцев заботилась наша соседка — Турция. По их мнению, пагубное для души христианство занесли в горы «урымы», т.е. греки. Курганы эпохи фетишизма обыкновенно встречаются в дубовых рощах, куда свозились умершие с окрестных хуторов, клались на землю под дубом и засыпались землей, в которую родственники сажали потом молодое деревцо. Вот почему рядом со старым, дряхлым дубом, растут молодые цветущие деревья, достигающие их вершины. Такое кладбище замечательно возле Супской станицы, о котором до

настоящего еще времени рассказываются легенды.

Курганы эпохи христианской ставились поблизости жилищ. В них костяк находится лежащим на материке, обращенный черепом к востоку: ни черепьев посуды, ни угля в таких курганах не найдено, некоторые же вещи попадались в курганах, разрытых в Ключевой и Пшехской, о чем сказано выше. Металлических священных предметов из курганов этой эпохи до настоящего времени не было открыто, должно быть не существовало обычая класть их с покойными; кресты же на них воздвигались, но их уничтожило не столько время, сколько мусульманский фанатизм, преследовавший еще в 1848 году деревянные кресты, которые ставились горцами на границах юртов, в защиту от приближения эпидемических болезней.

Курганы, насыпанные абадзехами, как переходные памятники к нынешним могилам, отличаются тем, что костяки в них находимые, положены в неглубокую яму, вырытую в сторону под материком, закрыты доской и засыпаны сверх земли камнями, должно быть от хищного зверя, но, по понятиям абадзехов, камень, положенный на могиле покойного, помогут ему затушить вечный огонь в день страшного суда, в который предназначено всем камням превратиться в воду.

Итак, курганы, разбросанные по бассейну реки Псекупса, не безответны о населении, занимавшем его до прихода последних жильцов — абадзехов. Первая серьезная находка в нетронутым кургане или один из обвалов, которыми славится Псекупс, разъясняет многое о загадочных франках, вооруживших адыгские племена прямыми клинками. В ожидании такого важного события, бросим взгляд на прошлое абадзехов, со времени их появления по сю сторону главного хребта, до передачи бассейна Псекупса в вечное и потомственное владение казакам Псекупского полка Кубанского казачьего войска.

II.

До появления абадзехов в границах нынешней Кубанской области, бассейн реки Псекупса назывался горцами «чирчене» — «чир» земля, в смысле земного пространства, «чене» беспотомственный, безнаследствен-

ный, что означает землю, оставшуюся без наследников, землю выморочную. Не будучи населенной, она принадлежала фамилии темиргоевских князей Болотоковых, власть которой простиралась: по левой стороне реки Кубани от впадения в нее Афиписа до впадения Лабы, далее по реке Лабе до владения Чохрага и от верховьев последней до верховьев реки Белой. На этом пространстве обитали: темиргоевцы, хатукаевцы и жаневцы, разьединенные тремя братьями адыгской княжеской фамилии Инала, Болотоком, Хотокон и Заном.

Соседями упомянутых племен были: с северной стороны степные, кочующие племена, с восточной племена абазинские, с юга – по горам и трущобам горское казачество в своем роде, образовавшееся из адыгских выходцев, не терпевших ни чьей власти, а с запада – шапсуги и натухаевцы. Во время владычества князя над князьями, иначе великого князя Безруко Болотокова, два брата, Хамыш и Керкан, с частью адыг, обитавших на реке Туапсе, двинулись к бассейну реки Псекупса с целью утвердиться в нем. Узнав об этом движении, князь Болотоков, имевший ставку в то время близ Майкопа, собрал темиргоевцев; вышел с ними на встречу и разбил шатра (так в оригинале, прим. С.Х.) на долине, где нынешняя станица Ключевая. Предание говорит, что послы, отправленные к туапсинским выходцам, сделавши привал при впадении р. Хоарзе в Псекупс, от имени князя Болотокова объявили им: хотя он, князь Болотоков, и не живет на Чирчене, но так как его племя, пройдя эту землю, оставило за собой, то он позволит новым выходцам поселиться на ней не иначе, как с условием, чтобы Хамыш и Керкан присягнули ему на подданство. На предложение слов Хамыш и Керкан ответили, что они сами князья, попытаются силой овладеть землей, но его «ворками»-дворянами не будут. Смелый от-

вет произвел трехдневную, кровопролитную битву близости нынешней Пятигорской станицы, между пришельцами и темиргоевцами. Из эпизодов этой битвы в преданиях горцев сохранилась белая лошадь «пчеваль», которая на себе вынесла из боя двух израненных всадников на отвесную гору и решила битву в пользу выходцев. Князь Болотоков опустил «чаты»-меч богатырский и предоставил окончательное решение вопроса, кому владеть бассейном Псекупса, «тхаохасу» – суду божию. В члены этого суда были избраны с обеих сторон правдивые мудрые старики, которые по принесении присяги «тлепшу» – богу огня, произнесли следующий приговор: если Хамыш или Керкан найдут адыгского ворка, который понесет за ними оружие, то князь Болотоков признает их князьями и отдаст земли без всякого сопротивления. Услышав приговор тхаохаса, Хамыш отправился искать княжеский титул и в трущобе Трух, что в хребте Пшаф, возле истоков р. Супса, наткнулся на аул кабардинского ворка «Кошмезыко»: кош – переселенец, мезы – лес, ко – балка.

Народное предание о Кошмезыко повествует так: до переселения в Трух, аул этот находился на правой стороне реки Кубани в лесу Кошмезыко гуй, ныне Круглик, что возле Екатеринодара. Когда кабардинцы оставили Крым и потянулись под предводительством князя Инала за реку Белую, удаляясь от преследования татарских ханов, израненные в битве Баксанской, не могшие следовать за успешным отступлением князя Инала, были собраны ворком Кошмезыко и соединены в упомянутый аул. Впоследствии, движение ногайцев к реке Кубани стало грозить аулу опасностью, он был разделен между двумя братьями, из которых один повел свою часть в Кабарду, а другой за Кубань в верховье Супса, переправясь в брод против Пашковской станицы. Место переправы до настоящего вре-

мени называется горцами «гоченчих»: гоченч – шальвары, их – корень глагола ихиныр – унести, что означает переправу, во время которой не любезная Кубань унесла у женщины часть ее одежды...

Ворк Кошмезыко принял Хамыша с адыгским радушием и почетом, соответствующими личным достоинствам гостя. Когда же Хамыш посвятил его в положение своих дел, он с готовностью вызвался быть орудием воли божией, если Хамыш даст слово, не селиться на его земле, а воспользовавшись правами адыгского князя займет свободные земли за Псекупсом. Слово дано. Удостоверившись, что ворк найден и несет за Хамышем оружие, князь Болотоков, согласно решению тхаохаса, торжественно признал его князем, разделил с ним трапезу, уступил Чирчене и ушел с темиргоевцами восвояси; туапсинские выходцы овладели бассейном Псекупса, но остались на нем одни подвластные князю Керкану, брат же его Хамыш, исполняя обещание, данное Кошмезыко, двинулся к верховьям реки Белой и дал занятому урочищу название – Хамышки.

Таким образом, керченевцев или, по выговору бжедуг, черченевцев следует считать первым народом после неизвестных франков, который плугом растерзал отдохнувшую землю и кровью запечатлел право на владение ею. Заключение это подтверждают и курганы черченевцев, к числу которых принадлежит «Пшиха», пши – князь, кха – могила, находящийся близости Ключевой станицы и отнести который можно к эпохе фетишизма. Следовательно, черченевцы обитали по реке Псекупсу до распространения на Западном Кавказе христианства, давность которого не подлежит ни малейшему сомнению уже потому, что гений языка адыгского самобытно выработал название дней и праздников, чуждых язычеству и мусульманству.

Когда туапсинские выходцы, черченевцы и хамышевцы, утвердившись на занятых ими землях, вошли в сношения с соседними адыгскими племенами, то вместе с приобретением между ними права гражданства, получили от них и нынешнее название. Бесславный случай на пиру у жаневцев отразился на целом племени и запятнал его кличкой «бжедухов», бжа – чара, род турьего рога, которая употреблялась для угощения гостей напитками, дуг / туг – вор. Неизвестный плут, похитивший чару, быть может, замечательную по ценности или работе, наказал своим поступком все племя, среди которого хамышевские князья отличались рыцарскими доблестями.

Аулы черченевцев по реке Псекупсу и ее притокам раскидывались до речки Чигияко, за которой вниз к Кубани жили жаневцы. Местом же пребывания княжеской фамилии Керкана была долина между хребтами Пшаф и Хотх, где и группировалась большая часть населения. На этой долине, именно в нынешней Псекупской, до настоящего времени существует два дряхлых дуба, обложженные камнями, которыми засыпаны тела бжедуг, павших в битве с темиргоевцами. С местом битвы связано следующее предание.

После великого князя Безруко Болотокова, фамилия его, утратив личное значение среди своих подвластных, влияла на них исключительно старшинством крови и не в силах была удержать князей и воров в безусловной зависимости.

Темиргоевское племя начало распадаться. От него отделились махоши, ушедшие на р. Курджупс, егерукаевцы, занявшие низовья реки Белой, смежно с хатукаевцами, и аул Адемий, перешедший на левый берег той же реки, в соседство к жаневцам.

Восстановить утраченную власть фамилия Болотоковых не могла; князья и ворки, стремившиеся к полной независимости, были далеки от мысли проливать кровь свою в ущерб личных интересов, вот почему один из князей Болотоковых вспомнил старое притязание на Чирчене и задумал усилить поработением бжедуг.

Сломанная стрела была отправлена князю черченевскому в одно время с приглашением ко всем князьям и воркам участвовать в предприятии, обещающем и славу и добычу. В несколько дней возле ставки князя Болотокова, собрались лучшие наездники темиргоевских племен. С ними он двинулся на Псекупс, где и был встречен едва ли

не целым населением, способным носить оружие. Кровопролитный бой длился два дня от восхода до заката солнца; много было побито черченевцев; но князья хамышевские с свежими силами спешили на помощь и ринувшись в тыл на утомленных боем темиргоевцев, прогнали их с поля сражения.

Предание говорит, несколько дней сряду хамышевцы собирали тела черченевцев, разбросанные в окрестностях нынешней Псекупской станицы, складывали их в одну кучу и покрывали камнями... Битва эта доставила хамышевским князьям славу и всем бжедугам самостоятельное значение между адыгскими племенами.

Оставляя черченевцев на реке Псекупсе и умалчивая о проявлениях их деятельности, невнесенной в народную память, обратимся к абадзехам, пришедшим на обработанные ими поля с таким же намерением, как мы, русские, пришли на такие же поля абадзехов. Вот что подслушано у них.

С незапамятных времен, несколько именитых абхазских фамилий были вынуждены оставить родину и искать оседлости на северном склоне главного хребта. Из них фамилия Кушмез поселилась в Тубе в верховьях р. Пшиша, а фамилия Оздемир была принята под покровительство хамышевских князей и поселена в Хамышках, как вольные хлебопашцы, но без права носить оружие. Едва оздемировцы размножились и разбогатели, князья и ворки хамышевские обложили их податью и стали взимать ее посредством грабежа. Мирные хлебопашцы, для поддержания прав своих, взялись за оружие, а потом принуждены были поголовно подняться и соединившись с братьями своими тубинцами, также с горским казачеством, оказались настолько сильными, что вступив в открытую борьбу с хамышевцами, заставили их очистить Хамышки и удалиться на Псекупс к родичам своим черченевцам.

Не одному потомству Оздемира достались Хамышки, но и адыгским беглецам, скрывавшимся в неприступных трущобах северного склона главного хребта, откуда производили наезды. Существовавшие единым грабежом, они с великой радостью спустились на обработанные земли; слились с абхазскими выходцами; вдохнули в них воинскую отвагу, и скромные до той поры земледельцы делаются известными на Западном Кавказе под именем абадзехского племени, грозного адыгской аристократии.

Публикуется по: Кубанские войсковые ведомости. N 2, 14 января 1867 г., с. 7 – 8; N 5, 4 февраля 1867, с. 19 – 20.

(Продолжение в следующем выпуске).

Материал к публикации подготовил Самир ХОТКО.

Карта черкесских берегов, 1838 г. Фрагмент. Ущелья Суепсе и Хотль в бассейне Псекупса.